

Осенью четырнадцатого года правления вана Циня Ин Чжэна, тринадцатого числа девятого лунного месяца, наследный принц царства Янь Янь Дань, не выдержав накопившихся обид и унижений, бежал из плена на родину. В ответ он отдал приказ закрыть заставу Ханьгу.

Семнадцатого числа того же месяца Чжан Юаньцзю вывел пятьсот воинов гарнизона из города Линьюнь.

В тот день воины в чёрных одеждах и тёмных доспехах, с длинными копьями и тугими луками, оседлав верных коней, выстроились в длинную колонну. Подобно могучему чёрному змею, войско пересекло каменные мосты, миновало узкие переулки и городские ворота, торжественно и гулко уходя в неизвестность.

По городу поползли тысячи слухов. Одни твердили, что после битвы при Фэйся мощь Цинь подорвана, другие — что союз трёх царств вышвырнул «прожорливую змею» обратно за перевал. Слухами земля полнится: где-то ложь, где-то крупица правды. Но горожане ликовали. В те времена, когда человек, не ушедший в армию, проживал всю жизнь на одном месте, его кругозор ограничивался стенами родного города.

Для них причины отступления циньцев были неважны. Налоги снизят, повинностей станет меньше, а если удастся трижды в день набивать утробу — значит, жизнь удалась. Счастье и горе они воспринимали как смену погоды — всё воле небес.

Сами уходящие солдаты тоже радовались. Многие покинули родные дома ещё мальчишками, десятилетиями проливая кровь на полях сражений. Война затихла, но их на годы забросили за тысячи ли охранять заставу. Большинство уже и забыло, как выглядит порог родного дома.

Доспехи в латках, письма растеряны... Живы ли престарелые родители? Вышла ли замуж старшая сестра? Больше всего воины боялись, что по возвращении найдут лишь заросшие мхом пустые котлы да одинокий холмик среди бескрайних гор.

Много ли простых людей идет в бой ради величия державы? Всё, чего они просили у судьбы — вернуться со службы с целыми руками-ногами и не потерять побратимов. А если повезет раздобыть пару-тройку вражьих голов, то семья на несколько лет получит освобождение от податей, а рабы — желанную вольную. Но в дыму сражений путь впереди всегда туманен.

У каждого были свои думы, а в подлунном мире радостей и печалей — как песчинок в великой реке.

Тяжелее всех приходилось Чжан Юаньцзю. Восседая на высоком коне, в чёрной форме, он выглядел величественно, но из-за вчерашнего похмелья был хмур и вял. С копытным перестуком миновав ворота, он словно очнулся, сполз с коня на землю и, зачерпнув горсть превратившейся в пыль желтой земли, дрожащими руками спрятал её в кожаный кисет.

Он взглянул на ворота. Надпись «Линъюнь» высек он сам, десять лет назад, после смерти Не Ань, старательно подражая почерку Бяньян-цзюня.

Будучи воином, пробившимся с самых низов благодаря ратным подвигам, Чжан Юаньцзю ценил свои достижения превыше всего. Даже своему благодетелю он смог лишь подать невнятный знак опасности, прикрывшись пьяным бредом под луной. Сказать что-то прямо он так и не решился. Всё, что ему осталось — забрать с собой горсть земли.

Больше всего он желал никогда не встретиться с господином на поле боя. Но больше всего он боялся, что этой встречи не случится.

Хань Тан люто ненавидел циньцев. Он вырос в их тени, вскармливая ненависть воображаемыми картинками того, как унижали его отца. Только так он мог подстегивать себя, чтобы поскорее повзрослеть. Он не желал понимать разумную осторожность Хань Юаня и его закулисную борьбу; он не хотел признавать, насколько сложен и многогранен этот мир.

Однако и он в тот день не чувствовал радости. Ребенок смутно ощущал: наступает конец одной эпохи и начало другой, куда более суровой.

Подоконник Чэнь Гэ был словно шкатулка с чудесами. Стоило ему проспать до полудня, как по пробуждении он находил там маленькую плетеную корзинку: то с алой земляникой, то с красным боярышником, то с очищенными каштанами.

Каждый раз он пытался подкараулить таинственного дарителя, но всякий раз проваливался в сон. словно в углу двора жила Дюймовочка, владеющая магией. Он обыскал весь дом, заглянул в каждый сапог, но так никого и не нашел.

«Может, это какой-нибудь Дюймовчик? Раз не отравил, то и ладно», — рассудил Чэнь Гэ, чьей беспечности можно было только позавидовать.

Сейчас он чувствовал себя превосходно. Жуя боярышник, он вместе с Хань Таном тайком приник к бойнице на городской стене, глядя на облако пыли, оставленное циньской конницей.

Хань Тан, вращая огромными глазами, спросил:

— То, что ты говорил про «зомби»... Это правда?

Чэнь Гэ подбросил ягоду, пытаясь поймать её ртом, но едва не столкнулся лбом с Хань Таном, отчего тот мгновенно покраснел. Неловко ухмыльнувшись, он перехватил ягоду рукой, отправил её в рот и ответил:

— Чистая правда. Я думал, что после того дня всё закончится, но стало только хуже. Короче, через пару тысяч лет нам всем крышка, веришь?

Хань Тан, сжимая рукоять ножа, вскинул голову. Его взгляд стал острым, как лезвие.

— Верю!

Чэнь Гэ даже вздрогнул от неожиданности.

— Ты чего это?

— Защита Бяньяна — это долг, завещанный мне прабабушкой, — процедил Хань Тан сквозь зубы. — Я не позволю никакой твари осквернить мой город.

Чэнь Гэ вдруг что-то сообразил.

— Долг прабабушки, хм... Она и гены тебе свои передала? Ты тоже оборотень?

Хань Тан лишь крепче стиснул челюсти, храня молчание. Чэнь Гэ похлопал его по плечу и рассмеялся:

— Ну оборотень и оборотень, чего стесняться-то? Живут дольше, сил больше. Вот посмотри на Бэй Чэня — вон какой волк вымахал, и ничего, не жалуется.

Хань Тан сдулся, как проткнутый шарик.

— Какая у тебя всё-таки пустая голова... Разве можно меня сравнивать с Бэй Чэнем?

Чэнь Гэ по-свойски приобнял мальчишку за плечи, прижавшись щекой к его щеке.

— Знаю, обидно, когда на тебя косятся без причины. Брось грустить. Нужно вернуться и обсудить всё с Ли Синланем. К встрече с зомби надо готовиться всерьез.

Покрасневший Хань Тан поспешно оттолкнул его и принялся оправлять одежду.

— Ты... ты невозможен... Сразу видно, что тебя в жизни никто не обижал. Пошли!

— Кто это меня не обижал?! — фыркнул Чэнь Гэ, шагая следом. — Мой брат, когда варил кашу, вечно путал сахар с солью, а мы вообще-то южане! Пстой... а ты какой именно зверь?

Хань Тан проигнорировал вопрос. Тогда Чэнь Гэ подскочил к нему и быстро провел рукой под подбородком, словно почесал кота. Мальчик замер как вкопанный, словно от удара током, и непроизвольно выдал звонкое:

— Мяу!

— Ха-ха-ха! Я так и знал! — расхохотался Чэнь Гэ.

Хань Тан лишь испепелил его взглядом.

Вскоре они добрались до усадьбы Бяньян-цзюня и обнаружили, что в главном зале идет совет. Хань Тан привычным жестом запрыгнул на крышу. Чэнь Гэ замешкался: если Старший брат узнает, что он подслушивает, то непременно устроит ему сеанс «идеологического воспитания».

Но любопытство пересилило. Не успел он опомниться, как уже сидел рядом с Хань Таном, который мастерски приподнял черепицу.

Через небольшое отверстие весь зал был виден как на ладони.

Во главе стола сидел Бяньян-цзюнь Хань Юань. По обе стороны от него расположился двадцать один почетный житель города. Перед каждым стояла лишь простая чарка с горячей водой.

Линъюнь давно жил сам по себе, но в любом сообществе неизбежно возникает свой порядок. Для этого древнего города порядком был их малый «парламент» — так про себя окрестил это собрание Чэнь Гэ.

Как рассказывал Хань Тан, этот неформальный орган возглавлял Бяньян-цзюнь, знатный дворянин, получивший титул ещё от чжоуского вана. В совет входили уважаемые старцы и представители крепкой молодежи; они устанавливали правила, разрешали споры и поддерживали жизнь города.

Хань Юань вкратце обрисовал ситуацию: закрытие Ханьгу, вывод войск, подозрительное предупреждение Чжан Юаньцзю.

Узлов в этой истории было много, слухов еще больше. Собравшиеся принялись по порядку разбирать каждый пункт.

Слово взял дородный мужчина в одеждах богатого купца. Голос его звучал громко и уверенно:

— То, что циньцы ушли — великое благо. Эти солдафоны годами сидели у нас на шее. Теперь налоги, что шли на их содержание, можно отменить. Люди вздохнут свободнее, все кругом только и празднуют.

— Истину говоришь, брат Хуан, — поддакнул другой. — Пусть пахнет грозой, но Линъюнь не принадлежит ни Цинь, ни Хань. Нам нужно лишь вежливо встречать проходящие армии и стричь купоны с обеих сторон. В мирное время торговля идет вяло, повозки да лодки — товар

дорогой, купят раз в год. А на войне спрос на боевые колесницы и луки будет всегда.

— Не согласен! — возразил старец, опираясь на клюку. Хоть он и дрожал всем телом, манеры его оставались безупречными. — Сейчас не времена чжоуских ванов. Сотни лет назад на поле боя выходили только благородные мужи, сражались по чести, не забывая о приличиях. А теперь? Сколько малых стран сгорело в пламени войны после раздела земель Цзинь? Да что далеко ходить — взять хоть царство Чжэн. Сто лет назад оно стало нашей столицей.

Услышав это, один молодой книжник вскочил с места, охваченный пылом:

— Господин Гунсунь прав! Мир изменился со времен Вэнь-хоу. Раньше как было? Город взяли — люди живут себе дальше, через пару дней их перекупили — они и не заметили. А сейчас речь идет о гибели государств! Нас хотят стереть с лица земли!

Купцы не сдавались, резонно возражая:

— Человеку нужно есть и пить, а значит — знать свое место и покоряться судьбе. Кто мы такие, чтобы спорить с копытами циньской конницы? Идти против них — всё равно что богомолу останавливать колесницу. Разоримся сами и людей погубим. Нам нет дела до высокой политики, народ живет хлебом насущным.

У книжника нашлось, что ответить, и он тут же процитировал Хань Фэя:

— «Богатые торговцы наживаются вдвое больше пахарей, и почет им воздается больший, чем воинам. Оттого честных мужей становится меньше, а алчных — в избытке». Вы не созидаете, лишь копите золото — это путь к упадку. Вы готовы продать не только честь, но и само достоинство.

Бяньян-цзюнь попытался успокоить собравшихся, тяжело вздохнув:

— Господин Гунсунь смотрит в корень. В битве при Чанпине циньский воевода Бай Ци за одну ночь перебил четыреста тысяч сдавшихся в плен. Нынешняя война — это битва на истребление. В Цинь живут миллионы, а их бесплодные земли не могут прокормить народ. Они идут в Поднебесную не ради пары городов. «Если они не нашего рода, сердца их полны иного». Циньцы не оставят нам шанса.

Каждый защищал свои интересы, спор разгорелся нешуточный. Чэнь Гэ, глядя со стороны, быстро распределил участников по лагерям.

Первые — «реалисты» из простых людей. Считали, что защищаться бесполезно, ведь Линъюнь формально давно отдан Цинь. Просто нужно покориться и избежать лишних жертв.

Вторые — «циники» из купцов. Мечтали нажиться на войне, не примыкая ни к кому. В случае

опасности планировали собрать пожитки и дать дёру, поэтому платить за стены или кормить ополчение не желали.

Третьи — «традиционалисты», представленные стариками. Они всё ещё верили в мощь союза Хань, Чжао и Вэй, считая Бяньян ханьской землей. Предлагали строить укрепления и просить помощи у столицы.

Четвертые — «радикалы», молодежь. Книжники и воины. Они понимали, что Цинь не остановить, а старые царства висят на волоске. Но они были убеждены: без способности защитить себя город станет лишь щепкой в водовороте. В те суровые времена люди выросли рано, и этим тридцатилетним еще хватало задора верить, что их судьба — в их собственных руках.

В глубине души Чэнь Гэ был на стороне молодежи, хотя рассудок подсказывал: объединение Поднебесной под властью Цинь — неостановимая историческая волна. Этот процесс начался при Сяо-гуне, окреп при Хуэй-ване и завершился при Чжаосян-ване. То, что Ин Чжэн теперь «пользуется плодами шести поколений предков», было исторической неизбежностью.

Пока Чэнь Гэ бездельничал, Ли Синлань с самого утра вел доверительную беседу с Бяньян-цзюнем. Командир быстро завоевал доверие хозяина и теперь скромно сидел в самом конце правого ряда.

Когда шум споров достиг предела, Ли Синлань молча поднялся. Он вышел в центр зала и отвесил всем присутствующим вежливый поклон. Его спокойствие было почти пугающим — так заказывают чашку чая на оживленном рынке.

— Ситуация критическая, — заговорил он мягким, ровным голосом. — Прошу простить мою прямоту, буду краток. С сегодняшнего дня Цинь стягивает пятидесятитысячное войско к заставам Ханьгу и Угуань — своим ключевым рубежам. После перегруппировки их направят к границам Хань, Чжао, Вэй и Чу. Кроме того, на воде, в Юньчэне, циньские гарнизоны уже заняли переправу Маоцзинь.

Видя странного незнакомца, кто-то из присутствующих не выдержал:

— Ты еще кто такой? Лицо прячешь... Почему не кажешь истинный лик?

Бяньян-цзюнь поспешил с объяснениями:

— Господин Ли — мой гость, мастер Инь-Ян. Его лицо пострадало от огня, и, чтобы не пугать окружающих, он носит черную вуаль.

«Мастер Инь-Ян? Серьезно?!»

Чэнь Гэ едва не расхохотался в голос.

— Подумаешь, капюшон надел, — зашептал он Хань Тану. — Сразу привязались.

Хань Тан, которого болтовня Чэнь Гэ уже изрядно утомила, отсел подальше.

— Так господин Ли не мастер Инь-Ян?

— Конечно нет! — прыснул Чэнь Гэ. — Он бывший командир третьего полка, партиец! Он верит только в светлое будущее, а не в духов каких-то.

— Опять ты за свое... — проворчал мальчик. — Тише! Слушай лучше.

<http://bllate.org/book/17509/1662556>